

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243

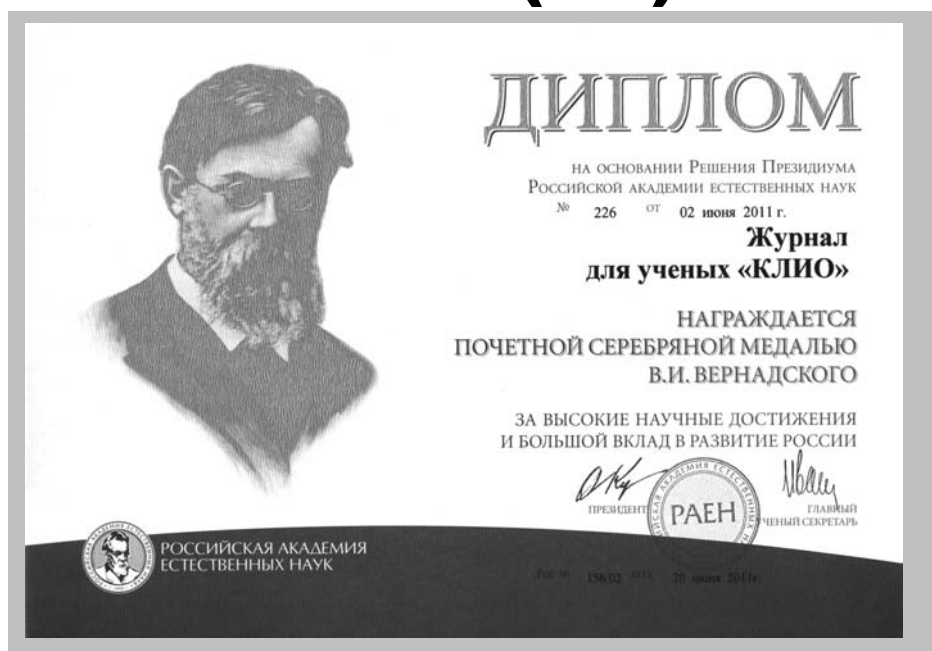
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

№ 10 (82)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011 Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013**

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полтора». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://poltorak.spb.ru/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала «Клио» Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru www.poltorak.spb.ru

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кропачев Н.М.</i> К читателю	3
<i>Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Изучение истории университета на историческом факультете	4

Академический университет. Главный педагогический институт. 1725–1819.

<i>Костина Т.В.</i> (Санкт-Петербург). Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории. 1724–1805 гг.	6
<i>Жуковская Т.Н.</i> (Санкт-Петербург). Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819)	15

ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. 1819–1917

<i>Жуковская Т.Н., Любезников О.А.</i> (Санкт-Петербург). Правительственная политика и корпорация Петербургского университета в дореформенный период: основные итоги и проблемы изучения	26
<i>Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Историко-филологический факультет Петербургского университета: проблемы коллективной биографии (1819–1917)	36
<i>Баринев Д.А.</i> (Санкт-Петербург). Коллективная биография студенчества Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг.: статистический анализ	42
<i>Тихонов И.Л.</i> (Санкт-Петербург). Археологические коллекции в музеях Императорского Санкт-Петербургского университета	49
<i>Олесич Н.Я.</i> (Санкт-Петербург). Петербургский университет на пути к олимпийскому движению	54
<i>Ростовцев Е.А.</i> (Санкт-Петербург). Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890)	57
<i>Зиборова Е.О.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие переписи в петербургском университете в начале XX в.	65
<i>Брачев В.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете	68
<i>Ростовцев Е.А., Андреева В.В.</i> (Санкт-Петербург). Кризис 1911 г. в Петербургском университете в зеркале российской прессы	77
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Г.В. Вернадский и Петербургская историческая школа	88
<i>Ходяков М.В.</i> (Санкт-Петербург). Иван Адрианович Михайлов: студенческие годы будущего министра финансов в правительстве А.В. Колчака	92
<i>Гаврилова О.А.</i> (Санкт-Петербург). И.Л. Солоневич: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский императорский университет...» (Опыт сравнительной студенческой биографии)	94
<i>Ратьковский И.С.</i> (Санкт-Петербург). Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете	99
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). О свидетельствах и дипломах бестужевков	102

УНИВЕРСИТЕТ В XX ВЕКЕ

<i>Кривоноженко А.Ф.</i> (Санкт-Петербург). Процесс советизации Петроградского университета в 1918–1922 гг.	104
<i>Петров В.В.</i> (Санкт-Петербург). «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг.	109
<i>Зиборов В.К.</i> (Санкт-Петербург). Военные страницы одной биографии преподавателя университета	112
<i>Петров И.В.</i> (Санкт-Петербург). Исторический факультет ЛГУ 1930-х гг. в воспоминаниях Николая Николаевича Рутченко-Рутыча. (Памяти Н.Н. Рутченко-Рутыча (04.1916–04.05. 2013 гг.))	113
<i>Конохова А.С.</i> (Санкт-Петербург). Студенческий политический протест в Ленинградском государственном университете в 1950–1960-х гг.	117

К 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С.Н. ВАЛКА

<i>Цамутали А.Н.</i> (Санкт-Петербург). Несколько добрых слов об С.Н. Валке	121
<i>Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г.</i> (Санкт-Петербург). Сигизмунд Натанович Валк – к 125-летию со дня рождения . 124	
<i>Дворниченко А.Ю.</i> (Санкт-Петербург). С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет	126

Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). О письме С.Н. Валка А.С. Лаппо-Данилевскому [1915 г.]	130
Свердлов М.Б. (Санкт-Петербург). Учил своим примером... ..	133
Федорова Т.С. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в моей жизни	135
Ткаченко И.В., Иванова В.И. (Санкт-Петербург). Выпускники исторического факультета ЛГУ 1957 г. о профессоре Сигизмунде Натановиче Валке	136
Ростовцев Е.А., Шишов В.О. (Санкт-Петербург). С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в.....	138

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХРОНИКА

Сосницкий Д.А. (Санкт-Петербург). История Санкт-Петербургского университета в сетевом пространстве	145
Потехина И.П. (Санкт-Петербург). «И всё-таки – что ж это было? Чего так хочется и жаль?» (И.М. Гревс и его ученики в книге А.В. Свешникова)	149
Калинина Е.А. (Петрозаводск). Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники университетов военных лет (рецензия)	152
Ансберг О.Н., Костина Т.В. (Санкт-Петербург). К десятилетию семинара по истории высшей школы	154

ЮБИЛЕЙ

Юбилей профессора В.А. Кутузова.....	156

ЕКАТЕРИНА ОЛЕГОВНА ЗИБОРОВА

аспирантка исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, слушательница Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: eziborova@eu.spb.ru

В статье исследуются студенческие переписи, проходившие в Санкт-Петербургском университете в 1903–1904 гг., 1909–1910 гг. и 1912 г. В работе отмечены основные этапы и тенденции в развитии переписного движения в Российской империи.

Ключевые слова: история России XIX–XX вв., история высшей школы, история Петербургского университета, студенческие переписи.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ПЕРЕПИСИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В НАЧАЛЕ XX в.*

Студенческие переписи – это интереснейший источник по истории Петербургского университета начала XX в. Они впитали в себя дух эпохи и в полной мере отразили высокую социальную активность студенческой молодежи той поры – между тем в обширной историографии¹, посвященной столичному университету начала XX в., им пока не уделялось внимания.

Переписи при помощи анкетного бланка исследовали материально-бытовое положение студентов, их политические и религиозные взгляды, здоровье и даже «половой» вопрос. Первая перепись была проведена в 1872 г. среди студентов Киевского университета по инициативе Н.Х. Бунге, будущего министра финансов Российской империи. Ее задачей было выяснение экономического положения университетов с целью последующей модернизации системы распределения стипендий и повышения уровня жизни учащейся молодежи². С этого момента переписное движение в своем развитии прошло несколько этапов: 1) 1887–1898 гг., 2) 1899–1905 гг., 3) 1907–1917 гг. После 1872 г. студенческие анкеты не проводились вплоть до 1887 г., когда профессор И.П. Скворцов начал сбор материала для Харьковской медицинской переписи, касавшейся в основном антропометрии учащихся.³ Между 1887 и 1899 гг. студенческие опросы проходили период своего становления: анкетные бланки совершенствовались и модернизировались, начала складываться традиция проведения переписей «снизу». В это время наметилась связь между студенческими организациями и переписным движением. В 1892–1894 гг. прошли две первые переписи, исходящие от самих студентов и их низовых организаций (землячества)⁴. Так как университетские уставы 1863 г. и 1884 г. были направлены на противодействие проявлению студенческой корпоративности, то эти переписи носили нелегальный характер. За студентами как за «отдельными посетителями университета» не признавалось право на организацию сходок, касс взаимопомощи, читален, обществ и пр. Самоперепись как форма коллективной студенческой активности не могла в тот период полноценно и открыто развиваться в стенах университетов. Она функционировала либо в форме нелегальной студенческой анкеты, либо как профессорская инициатива в рамках учебного курса, носившая сугубо научный характер. Как сообщает В.В. Святловский, автор обзора ранних переписей в высшей школе, в 1898 г. в Санкт-Петербурге была проведена первая студенческая анкета, направленная на выяснение экономического положения учащихся, «но об ней, к сожалению, никаких сведений нам собрать не удалось»⁵. Не известно, студенты каких именно высших учебных заведений принимали в ней участие, однако факт проведения подобного опроса говорит о включении столицы в волну общероссийского студенческого анкетного «бума». В целом первый период развития переписного движения характеризуется появлением и закреплением абсолютно нового для студенческой субкультуры явления – переписи, постепенным нарастанием внимания опросов к ежедневным нуждам

студенчества, совершенствованием анкетных бланков и инициативой землячеств о проведении переписей.

Следующий этап развития переписей относится к 1899–1905 гг. и отличается существенной модернизацией анкет, увеличением их числа, появлением первых комплексных исследований о всех сторонах студенческого быта, а также коренным изменением в переписном движении. В этот период переписное движение вышло из тени и стало развиваться на законных основаниях. Произошло это после создания Комиссии П.С. Ванновского по расследованию причин и обстоятельств студенческих беспорядков в Петербургском университете 8 февраля 1899 г. Итогом работы Комиссии стал поворот от категорического неприятия правительством любых форм корпоративного устройства учащихся к постепенному созданию студенческих организаций, но исключительно научного характера и только под руководством профессоров. Циркуляр Министерства народного просвещения от 21 июля 1899 г. и Временные правила организации студенческих учреждений от 22 декабря 1901 г. разрешили создание студенческих организаций. С этого момента становится возможным легальное проведение студенческих самопереписей в рамках учебных проектов по статистике, политической экономии, гигиене и другим дисциплинам. В центре переписного движения оказались научные студенческие кружки, руководимые профессорами по соответствующим предметам. В течение 1899–1905 гг. переписи укоренились в ежедневном быте учащейся молодежи и даже стали полноценной частью учебного процесса, как в случаях с анкетами 1901 г. в Томске, 1903 г. в Москве, 1904 г. в Харькове, Юрьеве и Санкт-Петербурге⁶. Кроме того, студенческие самопереписи, организаторы которых почувствовали себя более уверенно в стенах университетов, стали затрагивать болезненные и даже табуированные вопросы студенческого быта: скудная еда, плохие квартиры, низкие заработки, алкоголизм и половая распущенность учащейся молодежи. В ситуации нарастающего общественно-политического протеста студенты в 1899–1905 гг. активно включались в переписную деятельность, обозначая тем самым свою гражданскую позицию.

В период Первой русской революции переписная активность студентов временно приостановилась из-за перерыва в занятиях и напряженной внутриполитической обстановки. Новые анкеты появились лишь с началом 1907/1908 уч. г. в Москве и Юрьеве⁷. 1910 год стал пиковым в истории всего переписного студенческого движения, ведь именно тогда состоялось наибольшее количество опросов⁸. В межреволюционный период студенческие опросы переживали настоящий бум. Это время существенного роста числа переписей, расширения их географии, тематической насыщенности вопросов, которые, помимо традиционных бытовых аспектов, охватывали религиозную, национальную, политическую, гендерную сферы жизни студенчества. Устойчивые позиции заняло «гигиеническое», медицинское направление в исследованиях⁹. Переписи развивались в русле статистической науки и модернизировались в тесной связи с ее общими тенденциями. С 1872 по 1917 г. они претерпели существенные изменения в формуляре и способе проведения, но остались неизменно направленными на выяснение глубин студенческой жизни.

* Статья подготовлена в рамках проектов тематических НИР СПбГУ (История Санкт-Петербургского университета, в контексте истории Российского государства и общества, рук. проф. А.Ю. Дворниченко; Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть, рук. проф. Р.Ш. Ганелин).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

перепись 1904 г. под руководством В.В. Святловского и И.И. Кауфмана, анкета университетской столовой в 1910 г. и опрос Е.П. Радина в 1912 г. Все они совершенно не похожи и демонстрируют не только разные направления в социологии студенчества, но и абсолютно различные стороны жизни университета. Анкета В.В. Святловского – И.И. Кауфмана является примером взаимоотношений внутри академической корпорации Петербургского университета, перепись столовой — это взгляд на материально-бытовую сторону студенческой жизни, а опрос Е.П. Радина фокусируется на духовной ее составляющей.

Санкт-Петербургский университет присоединился к переписному движению в 1903 г. усилиями приват-доцента юридического факультета В.В. Святловского. Под его руководством еще в осеннем семестре 1902 г. участники кружка политической экономии разработали бланк анкеты и специальные таблицы для подсчета результатов. По завершении этой работы, в сентябре 1903 г., В.В. Святловский обратился к декану юридического факультета и ректору университета с просьбой разрешить проведение переписи всех универсантов. Он ссылался на положительный опыт Томского университета и Петербургского технологического института, где уже были проведены подобные опросы¹⁰. В анкетный бланк должны были войти вопросы о размере заработка, пособиях, семейном положении, расходах на питание, жилище, одежду и пр. В.В. Святловский, «горевший» своим делом, предлагал даже взять на себя все расходы по проведению и печати анкеты, прося лишь о «принципиальном согласии» и указании места, где стоял бы ящик для заполненных анкет¹¹. Однако приват-доценту не удалось достичь соглашения о проведении опроса с руководством юридического факультета¹². Ректор университета, в свою очередь, переадресовал письмо «вниз» по бюрократической лестнице и не стал рассматривать прошение В.В. Святловского, перескочившего через голову прямого начальства. На совете юридического факультета было принято решение о преобразовании инициативы В.В. Святловского в перепись под руководством профессора статистики И.И. Кауфмана. Решение это вполне обосновано: совет факультета не спешил доверять новое и необычное для Петербургского университета дело молодому приват-доценту, а перепоручил его уважаемому ученому И.И. Кауфману, который проработал в университете уже тридцать лет. Он со всей ответственностью подошел к переписи и неспешно начал работу над ней. В помощь профессору были даны члены возглавляемого им статистического семинария, а В.В. Святловскому и его ученикам разрешили участвовать в подготовке и проведении опроса, но не контролировать его ход. «15 декабря 1903 г. ординарный профессор И.И. Кауфман внес выработанные в Статистическом кабинете университета <...> проекты 1) опросного бланка, 2) правил для переписи студентов С.-Петербургского университета для обследования их экономического быта и 3) сметы расходов на это обследование»¹³. И.И. Кауфман максимально бюрократизировал предстоящую перепись: он получил финансирование на все расходы от администрации университета, существенно усложнил, по сравнению с другими переписями, процедуру заполнения и сбора анкетных бланков, задокументировал каждый шаг респондента. В начале января 1904 г. Советом университета было признано «производство переписи на указанных И.И. Кауфманом основаниях желательным, с отпуском из специальных средств университета, согласно с мнением Правления, 180 руб. на расходы по сей переписи»¹⁴. Отмечу, что на содержание статистического кабинета в том же 1904 г. из средств университета было ассигновано 1000 рублей, чего хватило бы для проведения нескольких масштабных студенческих переписей¹⁵. Исследование было проведено в середине февраля, на второй неделе Великого поста, когда в университете пребывало максимум студентов. По предложению И.И. Кауфмана, опросные листы были запечатаны в отдельные конверты и за три дня до официального начала переписи отправлены почтой по адресам проживания всех универсантов, которых на 1 января 1904 г. числилось 3835 человек¹⁶. Для этих целей организаторы анкеты составили

полный список студентов с их адресами. Как точно заметил организатор, «Комитет принимает все необходимые меры для того, чтобы ответы были получены по возможности от всех студентов, или по крайней мере от наизначительнейшего их большинства»¹⁷. По получении на дом опросного листа от студента требовалось заполнить его как можно скорее и отнести в университет, где были установлены специальные ящики для анкет. После того как респондент опускал заполненный бланк в ящик, он должен был отметить у одного из дежурных, указав свои фамилию и имя. Если универсант не выполнял эту процедуру полностью, то через три дня после начала переписи его адрес ставили в график обхода, и переписчики лично приходили к студенту, чтобы выяснить причины, по которым тот не заполнил анкету, и вновь предложить заполнить ее. Естественно, что настолько сложная и навязчивая процедура переписи насторожила студентов. Еще одним камнем преткновения стало то, что в анонимном опросном листе требовалось указать личные данные: место рождения, факультет, курс, тип средней школы и т.д., что делало анкетные бланки легко идентифицируемыми. Понятно, что это не добавляло привлекательности переписи, а факт ее полного финансирования университетом делал ее официальной процедурой, а не свободным студенческим волеизъявлением. Несмотря на напряженную обстановку вокруг анкеты и на опасения со стороны Общества вспомоществования нуждающимся студентам, анкета тем не менее состоялась. Радикальные студенты, обеспокоенные целями переписи, уклонились от участия в опросе¹⁸. В итоге было получено 1699 заполненных бланков, т.е. в опросе приняло участие 44,17% всех студентов, числящихся в университете в весеннем семестре 1904 г. Результаты переписи остаются пока не известными. Скорее всего, события 1905 г. внесли свои коррективы в процедуру подсчета данных анкетирования: весенний семестр в Петербургском университете не состоялся, а значит, не было и занятий в кружках.

В период революции 1905–1907 гг. проведение студенческих переписей было временно приостановлено. Новые опросы стали появляться с началом 1907/08 учебного года. В этот период активно действовали студенческие землячества, кассы взаимопомощи, кружки и общества, которые и взяли на себя инициативу по проведению переписей. Они собирали вокруг себя студентов различных взглядов, но с активной жизненной позицией. «Академисты» и «политики», анархисты и монархисты, гуманитарии и техники находили студенческие организации, отвечающие их интересам. А главной ареной для дебатов традиционно выступала студенческая столовая, открытая в 1904 г., – наиболее удобное место для обсуждения значимых вопросов студенческой жизни. На территории университета студенты могли собираться для слушания лекций или работы в кружках, сходки по-прежнему стояли вне закона. Университетская столовая на этом фоне стала пространством для общественных дебатов. Здесь студенты чувствовали себя более раскованно и уверенно, они собирались компаниями и общались на любые темы. Неудивительно, что за столовой внимательно наблюдала полиция и немедленно реагировала на тревожные сигналы, а университетский совет на протяжении нескольких лет передавал столовую в ведение Общества вспомоществования студентов, пытаясь избавиться от ответственности от того, что происходило в ее стенах¹⁹.

В этом общественном контексте как-то забывалось, что основной задачей открытия столовой было «доставление студентам здорового и недорогого стола»²⁰. И вот в декабре 1909 г. – феврале 1910 г. в Петербургском университете прошла перепись студентов, обедающих в столовой²¹. 547 студентов, 95% из которых – универсанты, приняли в ней участие. Анкета изучила отношение обедающих к меню, обедам, ценам и среднему расходному бюджету студентов. Фактически перепись напоминала опрос общественного мнения в современном его понимании. По результатам анкеты можно сделать вывод, что университетская столовая не была чуждым элементом студенческой жизни, а «общим распорядком» не устраивал 51% респондентов, 63% опро-

шенных сомневались в чистоте посуды, качество продуктов и величина порций также попали под огонь студенческой критики. Но «особое недовольство вызывает второе блюдо – им недовольны около 50% всех обедающих»²². Анкета показывает также и имущественное положение учащихся: основную часть их бюджета составляют деньги, присылаемые из дома (на них живет 56% обедающих) и получаемые от родственников. 21% опрошенных живут только за счет собственных заработков, пособий и стипендий от университета. Преобладающий месячный бюджет колеблется от 20 до 35 руб., иногда достигая 50 руб. и выше. Таким образом, перепись показывает социально-экономическое положение посетителей университетской столовой. Язык цифр помогает более рельефно представить себе картину повседневной студенческой действительности.

Осенью 1910 г. управление Министерством народного просвещения перешло к Л.А. Кассо, который проводил, вслед за А.Н. Шварцем, реакционную политику. Конфликт между студенчеством и властью, болезненный для обеих сторон, усилился. Разочарование результатами революции 1905–1907 гг. и неспособность что-либо изменить, а также жесткая политика министерства поразили у студентов меланхолическое уныние. На волне этих пессимистических настроений в 1912 г. проходит анкета доктора Е.П. Радина «О душевном настроении учащейся молодежи»²³. Она была самой масштабной по охвату респондентов и, пожалуй, наиболее известной среди студенческих анкет. Перепись стала своеобразным откликом на пересуды в кругу образованной общественности по поводу угнетенного настроения учащейся молодежи. Задачей переписи стало подтвердить или опровергнуть эти разговоры и понять, каков моральный дух студентов.

Респондентами стали студенты различных высших учебных заведений столицы (42% опрошенных – 873 анкеты – составили универсанты). Основная работа по составлению, проведению и обсчету анкеты легла на плечи членов негосударственной Комиссии по борьбе со школьными самоубийствами Русского общества охранения народного здоровья, где председателем был Д.П. Никольский, преподаватель Технологического и Горного институтов и опытный организатор переписей в этих учебных заведениях²⁴. В составлении вопросов анкеты также участвовали студенты, регулярно посещавшие заседания комиссии. В подсчете результатов были задействованы врачи – члены комиссии и два выпускника высших учебных заведений: А.В. Молчановский и Н.П. Соколов. Столь значительное число переписчиков не удивительно, ведь роздано было 20 000 анкетных бланков. Возвращено было лишь 2118 штук (11%), но и этого количества бланков, по мнению организаторов, было достаточно для построения выводов. Вопросы группировались по 16 отделам, включающим сведения о характере, наследственности, здоровье, воспитании, образовании и т.д. Выяснялись и основные характеристики физического и психологического здоровья респондента. На основе этих данных Е.П. Радин строил выводы о душевном настроении молодежи. Красной нитью через всю анкету проходит тема студенческой разочарованности и самоубийств. Вот что пишет один из студентов – участников переписи: «Брат и сестра покончили самоубийством; причины не известны. По косвенным данным – разочарованность в жизни.

Сестра бросилась со скалы, брат застрелился на охоте. А гимназические друзья покончили с собою (5 человек). Одиночество чувствую, и оно гнетет меня; ниоткуда не надеюсь и не желаю получить отклика и сочувствия. Людей презираю. Люблю острые ощущения... Все опротивело»²⁵. Респонденты красочно описывали на страницах опросных бланков свою апатию, усталость от жизни и пониженное настроение. Среди внешних факторов, влияющих на настроение, опрошенные особенно выделяли реакционный режим А.Н. Шварца и Л.А. Кассо, от которого их охватывает «гражданская скорбь». Интересным кажется факт, что среди мужских высших учебных заведений именно Петербургский университет, испытывавший максимальный гнет со стороны нового министерского начальства, дает наибольший процент разочарованных. 44,3% опрошенных универсантов называют себя «разочарованными», 55,7% – «не разочарованными» и 22,8% ответивших потеряли веру в себя²⁶. Но нельзя связывать это исключительно с политикой Л.А. Кассо. Немаловажную роль играет и социально-экономический фактор: социальное положение и уровень финансового благополучия студентов колеблется в зависимости от типа учебного заведения, и перевес «зажиточных» студентов был отнюдь не в сторону университета.

Большинство респондентов, как заключает Е.П. Радин, – «пессимистически настроенные одиночки»²⁷. Автор замечает тесную связь этих упаднических настроений с оторванностью студентов от семьи, от гимназических друзей и в целом от людей. Е.П. Радин обратил внимание на то, что большая часть его респондентов – более или менее выраженные эгоистические натуры. А некоторые даже «признают себя выше всего окружающего» и очень раздражаются по этому поводу²⁸. Е.П. Радин делает вывод из полученных данных, что «разочарованность есть явление студенческой жизни»²⁹, в основе которого лежат индивидуализм и эгоизм, привитый в средней школе. Принимая во внимание, что 42% респондентов анкеты – универсанты, можно предположить, что психологический климат в Петербургском университете в эпоху Л.А. Кассо был далек от идеала. У студентов преобладали пессимистические настроения и эмоциональная оторванность от внешнего мира.

Переписи в Петербургском университете происходили в рамках общего развития студенческого анкетного движения в России. Традиция студенческих опросов существовала в течение 45 лет на всей территории империи и охватывала по тематике все стороны жизни учащихся. Переписи содержат ценный материал по истории Петербургского университета. Они могут быть применены для изучения внутренней жизни профессорско-преподавательской корпорации, условий быта студентов, их психо-эмоционального состояния. Пожалуй, ни один другой источник по истории Петербургского университета не смог бы дать такой живой и яркой картины студенческой жизни. Переписи содержат не только мнения отдельных универсантов по тем или иным вопросам, но и предоставляют исследователю общие статистические данные о повседневности учащихся. По результатам проведенных опросов можно сделать определенные выводы о повседневности студентов, их социальном статусе, уровне жизни, духовных устремлениях и пр., что является весьма ценным материалом по истории Санкт-Петербургского университета в целом.

¹ См.: Ростовцев Е.А., Баринов Д.А., Кривоноженко А.Ф., Сидорчук И.В. Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии // КЛИО. Журнал для ученых. 2012. № 7. С. 47–62.

² Бунге Н.Х. О материальном положении студентов и о средствах для улучшения их быта. Киев, 1872.

³ Лашенков П. Студенты VII семестра медицинского факультета Харьковского университета. Антропологические данные (антропология и антропометрия) 1887–1897 год // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским департаментом. СПб. 1897 г. Октябрь. С. 412–430.

⁴ Положение учащейся молодежи // Северный Кавказ. 1896. № 5 – 1043. С. 2–3; Святловский В.В. Студенческие переписи в России. (Краткий исторический очерк) // Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве / Сост. студ. М. Бенасик. Под ред. проф. В.В. Святловского. СПб., 1909. С. 14–22.

⁵ Святловский В.В. Указ.соч. С. 23.

⁶ Малыгин Н.П. Из итогов студенческой переписи в Юрьеве (Дерпте) // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. М., 1907. №1. С. 20–32; О переписи студентов. 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9847. Л. 1; Перепись студентов Императорского Харьковского университета, к столетию университета (1805–1905). Издание студенческого экономического кружка. Харьков, 1904; Святловский В.В. Указ. соч. С. 40; Студенческий квартирный вопрос в Москве (Студенческая квартирная перепись в Москве в 1901 г.) / Под ред. и с предисловием Н.А. Каблукова. М., 1908; Экономическое положение томских студентов / Составил М.Н. Соболев при

участии студентов – членов статистического семинария // Известия Томского университета. Труды Юридического кабинета при Томском университете. Статистико-экономическое отделение. Томск, 1902. Вып. 2. Кн. 22. С. 1–56.

⁷ Студенческий квартирный вопрос в Москве...; Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 года в Юрьеве / Сост. студ. М. Бенасик. Под ред. проф. В.В. Святловского. С предисл. В.В. Святловского. СПб., 1909.

⁸ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 213.

⁹ См., например: Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение / Под ред. приват-доцента Московского университета М.А. Членова. М., 1909.

¹⁰ См. об этом: Экономическое положение томских студентов...; Святловский В.В. Указ. соч. С. 32–35.

¹¹ [Письмо В.В. Святловского декану юридического факультета С.-Петербургского университета Д.Д. Гримму. 15.09.1903], [Письмо В.В. Святловского ректору С.-Петербургского университета А.М. Жданову. 16.09.1903] // Ф. 14. Оп. 3 Д. 14360. Л. 104–105 об.

¹² Святловский В.В. Указ. соч. С. 40.

¹³ О переписи студентов. 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9847. Л. 1.

¹⁴ Журнал заседаний Совета Императорского С.-Петербургского Университета за 1904 г. № 60. СПб., 1905. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1904 года / Сост. П.К. Коковцевым. СПб., 1905. С. 42.

¹⁷ О переписи студентов. 1904 г. ... Л. 5.

¹⁸ Святловский В.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 11266. О столовой Петербургского университета. О революционной деятельности университетской столовой см., напр.: Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 18–19; Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 89.

²⁰ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1904 г. / Сост. П.К. Коковцевым. СПб., 1905. С. 28.

²¹ Бюджетная анкета студентов, обедавших в столовой Петербургского университета // Студенческая жизнь. М., 1910. №7. С. 15.

²² Там же.

²³ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб., 1913.

²⁴ См. об этом: Анкета студентов-технологов // Студенческий мир. 1910. № 2. С. 3; К характеристике современного студенчества. (По данным переписи 1909–0 г. в С.-Петербургском технологическом институте) / Под ред. и с предисловием прив.-доц. М.В. Бернацкого и при участии д-ра Д.П. Никольского. Вып. 1-й. 1-е изд. СПб., 1910; Ляховацкий А.Л. Больные стороны студенческой жизни // Студенческая жизнь. М., 1910. №12. С. 12–13; Святловский В.В. Указ. соч. С. 32–35; С. П. Анкета в С.-Петербургском технологическом институте // Голос студенчества. 1910, № 6. С. 2; Студенческая анкета // Студенческая жизнь. М., 1910. № 12. С. 11; Эс-Лэ. Анкета в СПб. Технологическом институте // Там же. 1910. № 6. С. 2–3 и др.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 42.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Там же. С. 31.

ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ БРАЧЕВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 328-94-48; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Статья посвящена студенческим волнениям, вспыхнувшим в Санкт-Петербургском университете в связи со смертью Л.Н. Толстого и Егора Созонова. Исследуется отношение к ним политических партий и профессорской корпорации университета, а также влияние волнений на правительственную политику в университетском вопросе.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Л.А. Кассо, студенческие волнения, Лев Толстой, Егор Созонов, профессорская корпорация Санкт-Петербургского университета.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ ОКТЯБРЯ-ДЕКАБРЯ 1910 г. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

В отличие от событий студенческой забастовки 1911 г., нашедших определенное отражение в целом ряде работ (В.Р. Лейкиной-Свирской¹, З.С. Кругловой², М.В. Борисенко³, В.Г. Савельевой⁴, В.П. Яковлева⁴, Н.Г. Завадского⁵, Е.А. Ростовцева⁶, Ю.В. Романова⁷), непосредственно предшествовавшие ей волнения студентов Санкт-Петербургского университета в октябре-декабре 1910 г. большого интереса у исследователей не вызвали и упоминаются ими вскользь, в связи с другими сюжетами (Е.А. Ростовцев⁸, Г.В. Жирков⁹).

Дело в том, что одной из характернейших особенностей советской историографии как студенческого движения в России начала XX в. в целом, так и в Санкт-Петербургском университете в частности являлся усиленный нажим ее представителей на «реакционную политику» и «репрессивный характер» действий власти в университетском вопросе и

некоей напряженной борьбе, которую якобы вынуждено было вести с ним в этой связи (под руководством партии большевиков, разумеется) революционно-демократическое студенчество, при весьма сомнительной и непоследовательной позиции в этом вопросе либеральной профессуры. Простая, казалось бы, мысль о том, что виноватым в срыве намечившегося было осенью 1910 г. некоего диалога нового управляющего Министерством народного просвещения Л.А. Кассо и университетской профессуры и инициировании, таким образом, нового витка перманентного кризиса высшей школы, случившегося в 1911 г., апофеозом которого и стала всероссийская студенческая забастовка 1911 г., могло быть не только «реакционное правительство», но и другие заинтересованные участники процесса в лице либеральной профессуры и самого революционно-демократического студенчества, похоже, даже не приходила советским историкам в голову, так как явно не укладывалась в общепринятую тогда и восходящую в своей основе к дореволюционной так называемой «освободительной» историографической традиционной схеме, согласно которой во всем и всегда в России

* Публикация подготовлена в рамках проекта НИР СПбГУ (История Санкт-Петербургского университета в контексте истории Российского государства и общества, рук. проф. А.Ю. Дворниченко).